

Я. И. ХАЧИКЯН

ВРАЧЕВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ ДАВИДА НЕПОБЕДИМОГО

Труды великого древнеармянского философа Давида Непобедимого посвящены по преимуществу исследованию логико-гносеологических проблем. Логика и гносеология — это те две области философского знания, в разработку которых Давид внес весомый вклад и с которыми прочно связано в истории философии его имя. Однако будучи глубоко образованным человеком, обладавшим довольно большой эрудицией, Давид в своих сочинениях дал солидное толкование также проблемам эстетики, этики и некоторых других смежных сфер философской науки. В его трудах прослеживается и третий слой теоретических суждений: по вопросам, относящимся к различным конкретным областям научно-теоретического знания, в частности врачебного дела.

С самого же начала отметим, что весь материал, к какой бы области он не относился, используется Давидом для решения логико-гносеологических проблем. Подобную же служебную роль выполняет и материал медицинского характера, привлекаемый Давидом.

Изучая названный слой материала в трудах Давида, можно идти по пути выявления логико-гносеологической оценки вопросов медицины, либо по пути характеристики этих проблем самих по себе. Во всяком случае интересен не только сам факт использования Давидом врачевания в качестве подспорья и примера при решении логико-гносеологических задач. Более интересно то, какие параметры, признаки, отличительные особенности врачебного дела и почему привлекают внимание логика-Давида и как характеризуется в связи с этим само врачевание.

Если нет каких-либо сведений о причастности Давида к врачебной профессии, то, исходя из его трудов, едва ли можно усомниться в его глубоких познаниях в этой сфере, приобретенных им во время пребывания в Афинах и Александрии, где он получил и отточил свое философское образование. Во всяком случае в сочинении «Определения философии» он упоминает имя Гиппократ и ссылается на его труд.

Анализ суждений и высказываний Давида о врачевании (а их встречается в его трудах более двадцати) представляется целесообразным начать с рассмотрения его положения о предмете, объекте врачевания. Непримируемый и решительный противник скептицизма и агностицизма, Давид последовательно проводит через все свои сочинения идею познаваемости мира, выступает в защиту истинного знания. В частности, говоря о врачевании и возможности познания болезней, Давид отвергает абсурдный тезис агностиков, пытавшихся отрицать познаваемость на том основании, что познающий не изменяется вместе с познаваемым, то есть с предметом познания. «Подобно этому и врач, будучи от природы здоровым, не должен был бы распознавать болезни из-за своего здорового состояния, т. е., когда он здоров, он не различает болезней, и ему нужно заболеть, чтобы познать болезнь»¹. Вывод Давида полон оптимизма и убежденности в возможности познания мира в целом и болезней, в частности, без того, чтобы познающему уподобляться познаваемому и изменяться вместе с ним; и для распознавания болезни врачу вовсе не обязательно самому заболеть.

Отталкиваясь от диалога Платона «Федр», он подчеркивает, что «если кто-либо желает верно мыслить и думать о какой-нибудь вещи, он прежде всего должен знать природу этой вещи, т. е. ее определение» (стр. 39—40), поскольку, согласно Давиду, в определениях дается содержательная характеристика сущности определяемого (напомним в этой связи, что о месте и значении, отводимом Давидом определениям, свидетельствует сам его главный труд «Определения философии»).

Примечательно, что, завершая свою мысль о необходимости знать определение вещи, о которой мыслят и судят, ибо «кто не знает определения, тот не замечает и всего того, что вытекает из этой вещи» (там же, стр. 40), Давид это общеметодологическое положение конкретизирует именно на врачевании. «Например, — пишет он, — если кто-нибудь желает знать, что такое врачевание, и заранее не знает природы врачевания, не знает, что оно занимается не деревом, а человеческим телом, то все, что он скажет о врачевании, будет ложно» (там же).

Давид считает необходимым при познании какого-либо предмета доходить до самых корней, то есть применять метод анализа, поскольку делом «анализа является расчленение сущего на то, из чего оно образовано» (стр. 110). Это в равной мере относит он и к человеческому телу, ибо, конкретизируя свою мысль, заявляет: «как, например, когда кто-либо берет человека и расчленяет его на ноги, руки и голову и далее на туловище, кости, жилы, сосуды и нервы, а эти — далее — на элементы, элементы же — на материю и форму, из которых и образован человек» (там же).

¹ Давид Анахт. Сочинения. М., 1975, стр. 35 (в дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в тексте).

Но одно дело логико-теоретическое расчленение живого человеческого тела в целях анализа и совершенно другое—обращение к телу мертвому и соответственно его характеристика. Поэтому у Давида, например, рука руке рознь в зависимости от того, к живому или мертвому телу она относится.

Из его суждений по этому вопросу следует, что рука (как, впрочем, и любая другая составляющая человеческого тела) в своем подлинном качестве выступает лишь у живого человека, когда она обладает определенными способностями, действует. Рука, отмечает он, «является частью для всякого тела, а орудием лишь для живого человека, так как рука мертвеца хотя и является частью всего тела, но не является орудием, ибо орудием она является в том случае, когда, [например] дает или делает что-нибудь...» (стр. 209).

Из сказанного следует, что объектом, предметом врачевания у Давида является живое человеческое тело в своем единстве, целостности, в котором различные составляющие выступают как факторы, необходимые для его нормального функционирования. Так применяется Давидом к человеческому телу методологическая проблема целого и части.

Но этим не завершается рассмотрение Давидом вопроса о предмете врачевания и тем самым окончательное определение врачевания. Дело в том, что определение человеческого тела как предмета врачевания, являясь правильным, оказывается в то же время недостаточным, так как неполно и вследствие этого необратимо, а, следовательно, и несовершенно. Давид комментирует это положение следующим образом. «Например, когда мы говорим, что врачевание есть искусство, занимающееся человеческим телом, то мы имеем дело с необратимым определением, ибо врачеванием является лишь то, что занимается человеческим телом, но то, что занимается человеческим телом, не является врачеванием, ибо для нужд человеческого тела существует не только врачевание, но и брадобрейство и маникюр» (стр. 51).

Таким образом, рассматривая врачевание в связи с человеческим телом, Давид считает необходимым проведение водораздела между врачеванием и другими родами деятельности, существующими для нужд человеческого тела. Подобный водораздел возможно провести, если давать определение на основе не только подлежащего (как в вышеприведенном случае) или только по цели, но по обоим вместе, то есть по подлежащему и по цели.

Излагая подобное полное, а потому и совершенное определение врачевания, Давид дает следующее толкование.

«По подлежащему, когда мы говорим, что врачевание есть искусство, занимающееся природой человеческого тела. А по цели, когда мы говорим, что врачевание есть творец здоровья, ибо целью врачевания является либо сохранение имеющегося здоровья, либо восстановление потерянного. А по обоим [основаниям вместе], когда мы со-

единяем оба определения и говорим, что врачевание есть искусство, занимающееся природой человеческого тела, творец здоровья» (стр. 49). Это определение является у Давида окончательным и характеризует врачевание как познание и действие и не раз приводит-ся им.

Рассматривая здоровье как цель врачевания, Давид дает ему некоторые характеристики. Заслуживает внимания, например, его суждение о соотношении здоровья и болезни, как гармонии и дисгармонии. «Для здоровья,—пишет он,—необходимо умеренное количество соков [в теле] и согласное с природой гармоничное расположение частичек, а для болезни достаточно измениться какой-нибудь жидкости и какой-либо частичке не соответствовать природе» (стр. 44—45).

Задача врачевания — преодоление нарушения гармонии в человеческом теле и восстановление гармонии. Для этого имеются в его распоряжении такие средства, как «врачебные книги, врачебные лекарства, врачебные инструменты» (стр. 90) или, если исходить из цели — здоровья, то «оздоровительные книги, оздоровительный порядок, оздоровительные лекарства» (там же). Из этого ряда средств Давид особое внимание уделяет кровопусканию и нужному для его осуществления инструменту. Отмечая одно из значений категории необходимого, Давид толкует его как то, «что само по себе является нежелательным, но для чего-нибудь другого оно желательно» (стр. 117). В подобном положении оказывается нож для кровопускания, «ибо ланцет сам по себе таков, что его избегают, так как он причиняет боль, но для здоровья он является желательным» (там же). Давид еще дважды обращается к этой лечебной процедуре, отмечая, что назначение кровопускания — восстановление здоровья и что потому первое существует ради второго (стр. 199), что инструмент для кровопускания существует для поддержания здоровья в теле (стр. 206).

Сохранение и восстановление здоровья — цель врачевания. Но само здоровье — основа для других целей. В этом плане здоровье соотносится Давидом с понятием необходимого, которое трактуется им также и как «то, что является желательным и само по себе и для чего-то другого» (стр. 117). Именно в таком смысле необходимым является здоровье, которое «желательно и само по себе, желательно и для другого, например для духовной деятельности, так как духовная деятельность никогда не может иметь места без соответствующего здоровья» (там же).

Как уже было сказано, Давид — это мыслитель, посвятивший свой недюжинный талант разработке проблем логики и гносеологии, и все другие области знания, широко привлекаемые им, использовались для решения опять-таки логико-познавательных вопросов. В этом смысле интересно рассмотреть, какое место занимает врачевание во всеобъемлющей классификации знания Давида. Врачевание, которое,

согласно Давиду, «присуще одному только человеку» (стр. 180), имеет свое определенное место в его классификационной системе. Напомним в связи с рассматриваемым вопросом, что Давид отмечает четыре вида познания: опыт, опытность (эмпирия), искусство и научное знание, а также различает познание общее и частное, основанное на знании причин или не основанное на нем (стр. 75).

Изучение трудов Давида показывает, что врачевание наличествует у него почти во всех видах познания. Так, опыт и опытность, как разные виды познания, имеют отношение к врачеванию. Частное знание единичной вещи, не основанное на знании причин (опыт), во врачебном деле проявляется в труде лекаря, который, «зная какое-нибудь лекарство, только использует его, не зная причины, почему нужно применять его» (стр. 75). Но к врачеванию имеет прямое отношение и опытность (эмпирия), как «общее знание, не основанное на знании причин». Это бывает «у многоопытных врачей, которые, зная множество лекарств, не знают причин их действия». Опытность, — продолжает далее Давид, — как запоминание и неосознанное запечатление в человеке многократно и одинаково проявляющихся явлений, проявляет себя в труде многоопытного врача, который применяет лекарства, «запоминая и запечатлевая в себе их многократное и одинаковое действие» (там же).

Об отношении врачевания к искусству и науке, как видам познания, в трудах Давида подобных прямых высказываний нет. Но опосредствованно некоторые предположительные суждения можно все-таки сделать. Так, отвергая неприемлемую для себя точку зрения о делении искусств на теоретические и практические (поскольку только философия может быть подлинно теоретической и практической), Давид все же излагает отвергаемую концепцию, согласно которой «врачевание называется теоретическим, когда познает болезни и говорит о причинах их возникновения, и называется практическим, когда дает рвотное и пускает кровь» (стр. 98). Давид не дает далее подробных разъяснений, однако различие между двумя разными формами проявления врачебной деятельности тем не менее оказывается небесспорным. И если Давид отвергает их различие по принципу их отнесения к теоретической и практической сферам, то исходя из принципов самого Давида, можно было бы это различие трактовать как различие между чувственной (опыт и эмпирия) и рациональной (искусство и наука) формами, ступенями познания.

Врачевание в целом находится в определенных субординационных отношениях с философией и другими областями познания (и действия), расположенными либо рядом с ним, либо ниже его.

По своим познавательным возможностям Давид выше всех наук и искусств ставит философию, поскольку она как «искусство искусств и наука наук» «дает исходные начала всем искусствам и наукам» (стр. 72). Исходя из этого, он превосходство философии усматривает и в том, что она «познает природу сущего, а его внешнюю сторону и

(отдельные) проявления оставляет на долю искусств и наук» (стр. 71). Наконец, согласно Давиду, искусство и науки, познавая каждый свой объект, сами выступают в роли объекта для философии, с помощью которых она познает их же объекты (стр. 71).

Все эти основополагающие методологические положения проявляют себя по отношению к врачеванию.

Давид отмечает, что из философии, без сомнения, исходит «врач, считая, что тело состоит из четырех стихий, причины чего познает натурфилософ» (стр. 53). В другом месте, вновь обращаясь к вопросу взаимоотношения врачевания и философии, он пишет: «Врачевание также знает, что человеческое тело состоит из четырех элементов, не зная, почему элементов именно четыре; но оно без сомнений заимствует это у философии и украшает свое искусство» (стр. 72). Наконец, в наиболее развернутом виде взаимоотношение философии и врачевания с точки зрения их предмета и уровня познания излагается им следующим образом: «...философия ... берет материю и форму, выявляет основу всех вещей—четыре элемента, из них выделяет подобные части, а из подобных частей—органическое и из органического—человеческое тело; а все привходящие свойства [человеческого] тела, т.е. болезни и здоровое состояние, предоставляет познавать врачеванию, не потому, что сама не обладает знанием—она знает и такие вещи», а чтобы самой—поясняет Давид,—не спускаться до самых последних вещей (стр. 71—72), поскольку философия как «наука всеобщая» (стр. 37) имеет дело с более высоким уровнем обобщения.

Окончательный вывод о гносеологической субординации философии и врачевания гласит: «...объектом врачевания является человеческое тело, а само врачевание является объектом философии» (стр. 71).

Мимоходом Давид упоминает о гигиене, которая, находясь в зависимости от науки врачевания, в силу этого должна являться ее частью или частицей (стр. 205).

Таким образом, Давид, решая сугубо логико-гносеологические задачи, тем не менее в своих трудах дает содержательные характеристики врачеванию на уровне научной мысли своего времени.

Армянское отделение философского общества СССР

Поступила 1/IV 1980 г.

ՅՍ. Ի. ԽԱՉԻՑՅԱՆ

ԲԺՇԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ԴԱՎԻԹ ԱՆՀԱՂԹԻ ՏՐԱՄԱՐԱՆԱԿԱՆ-ԻՄԱՅԱՐԱՆԱԿԱՆ
ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՀԱՅԵՂՈՒ ՄԵԶ

Տրամաբանությունը և իմացաբանությունը փիլիսոփայության այն երկու բնագավառներն են, որոնց մշակման մեջ հայ մեծ մտածող Դավիթ Անհաղ-

թը իր ծանրակշիռ ներդրումն արեց: Դրան դուգահեռ նա խոր մեկնաբանություն է տվել փիլիսոփայության որոշ այլ ոլորտներին ևս: Իբրև իր դարաշրջանի ամենակրթված դեմքերից մեկը, նա մեծ տեղ է հատկացրել նաև գիտատեսական գիտելիքի տարբեր կոնկրետ բնագավառներին (այդ թվում և բժշկությանը), որոնք ներգրավվում են հիմնական տրամաբանական-իմացաբանական խնդիրների լուծման համար: Դավիթը բժշկությանը տալիս է հարաբերականորեն ինքնուրույն արժեք ներկայացնող բովանդակալից բնութագրեր:

Բնութագրվում է Դավթի՝ գիտելիքի համապարփակ դասակարգման մեջ բժշկության տեղը, նրա ճանաչողական նշանակությունը և փոխհարաբերությունները փիլիսոփայության և գիտելիքի այլ բնագավառների հետ:

Y. I. KHACHIKIAN

MEDICINE IN THE LOGICAL-EPISTEMOLOGICAL SYSTEM OF DAVID THE INVINCIBLE

The great Armenian thinker David the Invincible has made a valuable contribution in the treatment of two domains of philosophy, namely logic and epistemology. Simultaneously he profoundly interpreted certain other spheres of philosophy. Being one of the most educated persons of his time he paid great attention to various concrete branches of theoretical knowledge (including medicine) which were comprised to solve the fundamental logical and epistemological problems. In addition to the solution of the indicated problems, David imparted to medicine peculiarities so rich in content that they represent a relatively distinct value.

In the present paper scientific and logical definitions of medicine, illness and health, rendered by David, are analysed. The place which medical science occupies in David's general classification as well as the significance of medical cognition and its relation with philosophy and other fields of science are specifically characterized.